

ИРИНА
ЭРЕНБУРГ

Бабочка
на
шпильке

m
o
d
e
r
n

l
o
v
e

s
t
o
r
y

Ирина Эренбург
Бабочка на шпильке

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Эренбург И.

Бабочка на шпильке / И. Эренбург — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Что есть ЛЮБОВЬ?... Ответ будет неоднозначным даже у одного человека. И не только в разные годы, но даже в разное время суток. Да, это книга о любви. Любовь-дружба, любовь-страсть, любовь-обладание, любовь-капкан, любовь-удавка... Светлые и тёмные лики любви. Тяжелые вериги и крылья. Главная героиня Елена пишет свою книгу - свою историю любви. Она и не подозревает, что у нее есть соавтор, ее муж Виктор. Их взгляды на одни и те же события бывают кардинально разными. Кто из них прав? Кто виноват?... И есть ли в этой истории правые и виноватые?... Содержит нецензурную брань.

© Эренбург И., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

*Всем когда-либо любившим меня мужчинам
с искренней благодарностью*

ВИКТОР

Спящая красавица

1

Тяжелая туша фуры с длинным шлейфом крытого брезентом прицепа легко скользила по пустынному пригородному шоссе. Плотный бархат ночи поглотил все краски. Ряды темных елей парадной шеренгой вытянувшиеся вдоль дороги, казались монолитной стеной. Толян передернул рычаг скорости и скосил глаза на часы не столько, чтобы узнать который час, сколько полюбоваться на хромированный циферблат выигранных на спор часов, но тотчас перевел взгляд на разматывающуюся перед гипнотическим взглядом фар дорогу. Внезапно прорвав муар ночного тумана, прямо перед ним вынырнул изящный силуэт автомобиля. Будто выброшенный на пустынный пляж дельфин, седан безмолвно застыл посреди шоссе. Еще не осознав сложности ситуации, Толян, до судорог в пальцах, стиснул рулевое колесо и крутанул влево. Повинуясь его воле, тягач метнулся в сторону, потащив за собой упирающийся всеми четырьмя парами колес прицеп. Визг шин и скрип тормозов заглушили все другие звуки. Пройдя по инерции еще несколько метров, фура встала.

За спиной Толяна зашуршал нейлоновой курткой его напарник.

– Какого беса!.. Чё тормознул? – проворчал парень, поднимая голову с всклокоченными, свалившимися во сне грязно-пепельными волосами.

– Ох, Седой... сам не пойму... хрень какая-то... Мож, кого и помял, – растерянно пробормотал Толян онемевшими как от наркоза губами и машинально вытирая взмокшие ладони о давно не выдававшие стирки джинсы.

Седой выглянул из кабины, разглядывая прижавшийся к ним, прячущийся в ночи черный автомобиль.

– На черта козе баян... – Седой прыгнул с высокой подножки кабины на дорогу и опасно приблизился к легковому автомобилю. Он остановился у капота, присев на корточки, тщательно рассмотрел номер, ткнул пальцем шину, пощупал диск и, вновь вытянувшись во весь рост, оробело обратился к приближавшемуся напарнику. – Тачка будь здоров... Мерс. Бенз. И номера не хилые.

С колотящимся где-то у подбородка сердцем Толян обошел автомобиль, невольно любуясь изящностью форм ничуть не помятого седана, и будто перед затяжным прыжком в воду, сделал глубокий вдох и отворил переднюю дверцу.

– Девчонка... – выдохнул он удивленно.

Светло-русые с платиновым отливом волосы тяжелой волной обтекали хрупкие плечи, руки в лайковых перчатках успокоились на коленях. Точеный профиль, без единого изъяна изумительно ровная кожа.

– Эй! Ты как?..

Блондинка не пошевелилась.

Толян протянул дрожащую руку к красавице, легко коснулся ее щеки.

– Эй, ты? Эй!

– Живая хоть? – раздался за его спиной глухой то ли от сна, то ли от волнения голос Седого.

– Н-н-не пойм-мму, – выдохнул Толян, с трудом шевеля непослушными губами.

Свет фар встречной машины ослепил их, заставив отпрянуть от кабины «Мерседеса». Заскрипели тормоза.

– Мужики, вы совсем?! Обалдели! – Смачно-крепкие выражения, вполне уместные в данной ситуации, донеслись из салона внедорожника. Коротко стриженный, тугой, как боксерская груша парень в черной кожаной куртке подкатил к ним. – На... тут стали? Прямо посреди дороги? Аль зашибли кого? Трупак?

– Это не я! Не я! – вдруг всхлипнул Толян.

– Не ссы, не дойдя до параша. – Отодвинув его плечом, качёк наклонился над блондинкой.

– Эй, эй... – не отводя застывшего взгляда от воскового точеного профиля, он, вдруг оробев, ткнул молодой женщине в плечо. С тем же успехом он мог прикоснуться к статуе. – Ну, пацаны, влипли! – выпрямляясь, хмыкнул он и спешно скрылся в утробе своего автомобиля. Взревев, внедорожник рванул с места и скрылся за поворотом, оставив за собой гулкую тишину.

– А-а-а, – всхлипнул Толян и, обхватив руками голову, присел на корточки, опершись спиной о празднично-сверкающее под светом фар колесо автомобиля.

Седой сунул голову в салон машины. В искусственном синеватом свете салона женщина действительно казалась неживой, но он все же уловил еле заметное движение ее ресниц. Или ему показалось? Он приблизил свое лицо к лицу молодой женщины, кожей ощутил еле ощутимый бриз ее дыхания. Уже смелее Седой коснулся ее плеча, легко потряс. Чуть заметная морщинка недовольства мелькнула меж ее идеально очерченных темных бровей. Секунда, и вновь – лоб ровный, как отполированный мрамор.

– Хрень какая! Спит как младенец, – с облегчением хохотнул Седой. – Ну и бабы! Поставят машину посреди дороги и дрыхнут. – Эй, эй, ты чё! Проснись! – Уже без боязни Седой стал трясти женщину за плечо. Ее голова, как у тряпичной куклы, безвольно качалась вправо-влево, но она даже не приоткрыла глаз. – Вот трахну тебя, будешь знать! – крикнул он ей прямо в ухо, но блондинка не шелохнулась, опутанная сетями тяжелого нездорового сна. – Да ну ее, к лешему, наширялась небось! Давай рвать от греха подальше.

Мягко кряхтя резиновыми подошвами кроссовок по асфальту, Седой широким шагом двинулся к кабине тяжеловоза.

Воровато оглянувшись, Толян юркнул в салон «Мерседеса». Он наклонился над спящей и осторожно, будто к чему-то хрупкому и дорогому, дотронулся сначала кончиками пальцев, затем своими сухими губами до ее щеки. Кожа спящей была гладкой и прохладной, из чуть приоткрытых губ слышалось ее спокойное дыхание. Внезапно Толян почувствовал нарастающее желание. Ничего не стряется, если он поцелует ее, решил он и впился губами в ее губы, сладостно ощущая тепло ее безвольного рта. Доступная, сказочно красивая – живая! Радость заполнила его до краев. Живая! Живая! Живая! – пульсом билось у него в висках.

Его поцелуй оборвался с той же внезапностью, что и начался. Тишину пререзала мелодия вальса. Машинально Толян взял телефон с приборной доски, не поднося к уху, включил прием. По громкой связи раздалось:

– Лен, ты где? Чего не берешь? У тебя все нормально? Сотый раз звоню.

Толян робко поднес трубку к своему уху.

– Э... Кто там? – почему-то шепотом произнес он.

Пауза была недолгой.

– Что с Леной? – рыкнула трубка.

– Э... Мы тут... Мы тут ехали... фура у нас с грузом... Мерс, вроде того, посреди дороги. Хорошо, я заметил, а то бы – всмятку. Не подавил, бог спас.

– Бог спас, – повторил голос спокойно, но почему-то у Толяна от страха взмокла шея. – Женщина как? Не пострадала? Дай ей трубку.

– Ага, ваша девушка целенькая. И машина, вроде того, не помятая.

– Передай ей трубку, – повторил голос.

– Да не может она ... Она, вроде того... спит, никак не добужусь. Не пьяная, точно, запаха нет. Может, обморок или вроде того. Я не специалист и вообще... Сам не знаю, что делать.

– Где стоите?

– На трассе мы, в получасе, может, чуть больше от развилки, перед переездом.

– Если дождешься – заплачу, – баритон стал чуть мягче. – Сможешь буксануть машину к обочине?

– Сделаю, начальник.

Мобильник пискнув, замолк.

2

У Виктора вошло в привычку всегда первым заканчивать разговор; с кем бы он ни говорил, все признавали его первенство: подчиненные, поставщики, бизнес-партнеры. Все, кроме жены. Подчас ему делалось досадно, что Елена не подвержена болезням века – в ней не было ни тени зависти, ни желания гламурно-глянцево выделяться из толпы. Своей непохожестью на других женщин, зараженных тщеславием или изъеденных молью страха перед одиночеством и бедностью, она выглядела особенно значимо. Выдерживая напор окружающего мира, она жила в пределах собственно очерченных границ, в своем, подчас непонятном для него мире, куда посторонним (в том числе и ему!) доступ был запрещен. Виктор стучался в закрытые для него двери ее внутреннего мира, пытался взломать накрепко запертые замки – но получал только строго дозированные супружескими отношениями знаки внимания. Даже когда они занимались любовью, ему казалось, она выполняет некий ритуал, привычный и размеренный до ощущения некой заданной программы, доставляющий удовольствие, и все же не дающий ему полной власти над ней. Елена как будто не хотела, чтобы он узнал ее суть, не пускала в «святая святых», ограждала себя частоколом притворной уступчивости и мнимой податливости. Даже многолетнее супружество не дало ему возможность читать ее, как раскрытую книгу, Елена оставалась для него неким ребусом, загадкой, которую он тщился, но никак не мог разгадать.

Вот и сейчас Виктор был раздосадован, зол до боли в висках, его душило вспененное со дна души раздражение – он не знал, как могло такое случиться, что прямо в дороге ее застиг мертвый, выключивший все ее сознание, сон? Неужели Елена разгадала его тайну? Неужели она таким образом дает понять, что ей все известно? Вряд ли. Скорее всего, налицо стечение обстоятельств, случайность, непредвиденные обстоятельства. И все же, какие бы причины ни привели ее к этой загадочно-опасной ситуации, Виктор понимал свою ответственность за нее, за свою семью, за свою репутацию. Он обязан вернуть Елену в привычную обстановку их общего дома, заставить признать его первенство, в конечном итоге он должен принудить ее подчиниться тому образу жизни, который считается правильным для жены солидного человека.

Виктор вызвал водителя. Чуть больше чем через два часа, Елена была дома. Не раздевая, Виктор положил ее на кровать, опустился рядом и некоторое время неотрывно смотрел в ее лицо – отрешенное в своей неподвижности. Холодная, чужая, неизвестная. Его взгляд заскользил вниз. Белый в голубую полоску трикотаж джемпера плотно облегал ее грудь, не скованную панцирем бюстгалтера. На ней были голубые джинсы, на тонком запястье – браслет из бирюзы. Его горло сдавила судорога. Виктор сжал ее руку, поднес ладонь к лицу, прижал к щеке. Елена не шелохнулась.

Он осторожно раздел ее. Свет от ночника, робко раздвигал темноту спальни и ложился несмелым мерцанием на ее обнаженное тело. Виктор опустился перед ее изголовьем на колени, будто перед святыней, но совсем не святыне чувства рвались наружу. Елена была красива особенной гармоничной красотой, и его так и подмывало разрушить, разорвать в клочья эту гар-

монию. Увидеть, как не болью, но страстью искажается ее лицо, как ломается, рвется ему навстречу, подшпоренное ее неукротимым желанием тело.

Он дотронулся до ее лица, провел рукой под подбородком, по шее к ключицам, скользнул по ложбинке между грудями. Дотронулся до соска – без реакции. Тогда он ушибнул его – сосок напрягся и затвердел. Ее губы рдели на бледном лице, ресницы подрагивали. Он поцеловал ее в губы, и ее рот неожиданно для него распахнулся, вбирая его язык. Не просыпаясь, Елена раскинула в стороны руки, раздвинула ноги. Вся ее поза – чувственный призыв, предложение себя. Виктор был поражен этим ее преображением. Как будто боясь спугнуть ее сон, Виктор осторожно снял с себя одежду, и чуть приподняв ее, погрузился в ее горячую, влажную, бархатистую тесноту, ушел в свои ощущения настолько полно, что отрешился от всего, что не касалось жгучего, такого острого наслаждения. Елена вздыхала, стонала, билась под ним, ее губы искали его рот, ее руки притягивали его к себе, как будто хотели уничтожить самый малый зазор, трещинку, пустоту между ними. Жена отдавалась ему, как, вероятно, первобытная женщина отдавалась самцу, разрушая все доньше существующие между ними преграды, отвергая противоположность тела и души, и когда, он услышал ее кульминационный крик – крик освобождения, отрешения и признания, Виктор принял свою победу, как должное.

Он смотрел на ее висок, где голубела змейка вены, и слезы сами собой струились из его глаз. Впервые Виктор осознал, что тягостное, сковывающее всю его жизнь чувство зависимости от этой женщины ушло от него, как будто с каждой слезой вымывались последние остатки былой болезненной привязанности, страстного желания обладания ее телом, всем ее существом. Отныне он свободен. Они по-прежнему будут жить семьей, он будет пользоваться ее телом, когда и как сам захочет, и горчинка ее отстраненности уже не будет его останавливать. И больше он не будет страдать от ее измен. Никогда.

ЕЛЕНА

Песочные часы

1

Мое детство можно без оглядки назвать счастливым. Родители меня баловали. У меня были красивые и мягкие платица, кукла с закрывающимися глазами, плюшевый мишка с глазами-пуговками, машинка с откидывающимся кузовом и бабочка на колесиках, нанизанная на длинную деревянную палку. Крылья у бабочки были пластмассовыми, с яркими радужными разводами. Я бы забыла эту нелепую игрушку, но у нас сохранилась фотография: мне года два или чуть больше. В пальтишке, ботиночках и шапочке с бомбошкой я качу перед собой игрушку-каталку, а чуть сбоку, взявшись за руки, идут мои мама и папа. Я – сосредоточенная и щекастая, родители – молодые и счастливые. Я была их любимым и единственным ребенком.

Мой отец работал стоматологом. В столичной больнице он лечил кариес и пульпит, потом стал протезистом. Он был хорошим врачом, с чистыми, пахнущими чем-то сладким пальцами. Папа хорошо зарабатывал, и мы слыли вполне состоятельной, даже зажиточной семьей. Верхом богатства по тем временам была машина «Волга», холодильник «Зил» и ежегодные летние поездки в приморские санатории. Наша семья всем этим благополучно пользовалась. До поры пока в партком, где отец состоял в пассивном членстве, не поступило заявление о незаконных операциях с золотом. Папа, действительно, ставил красивые золотые коронки «большим людям». Чтобы все «сошло на тормоза», эти самые «большие люди» посоветовали сменить прописку, и мы переехали в городок между Питером и Москвой откуда мой папа был родом.

Тогда мне было чуть больше пяти лет, и все детство и юность я прожила в уютном местечке на берегу пруда. Мой отец купил частный дом. Первое мое яркое воспоминание как раз и связано с этим домом.

Я помню, папа вел машину, а мы с мамой пристроились на заднем сиденье. Ехали мы, как мне показалось, бесконечно долго. Было жарко и пыльно. Наконец, наша «Волга» остановилась перед зелеными деревянными воротами.

Створки ворот открылись и... мне показалось, что я очутилась в сказке. Посреди усеянной солнечными бликами ноготков лужайки стоял бревенчатый дом с кружевами ярко-небесных наличников, обрамлявших окна. Конек обшитый досками крыши, украшала стрелка флюгера. Широкие, нагретые солнцем, деревянные ступени вели на пахнущую карамелью веранду.

Во дворе было так тихо и свежо, что усталость от долгого утомительного пути как рукой сняло. Взрослые стали выгружать вещи, вносить в дом, а меня привлекли качели – обыкновенная гладко выструганная доска, привязанная толстой веревкой к стволам деревьев. Взгромоздившись на доску, я взлетала в небо. В-рр – дух захватывает от высоты, пух-хх, и я, ощущая холод в животе, лечу вниз.

В раннем детстве окружающий тебя мир воспринимаешь импульсно, что высветится – запомнится, а все остальное исчезает в топких глубинах памяти. Хорошо помню большие темно-зеленые лопухи с матовой, словно обитой ватой обратной стороной, необыкновенный по красоте цветок, с удушающим, приторно-сладким запахом, цветастого с отливающим серебром опереньем и злющего петуха, царапающего острыми когтями высохшую от зноя землю.

Впрочем, не стоит долго крутить калейдоскоп воспоминаний. Скажу одно, детство мое было счастливым.

Дом, в котором мы стали жить, мне понравился больше, чем наша прежняя трехкомнатная квартира. В доме была летняя веранда, кухня, гостиная, кабинет отца, моя комнатка, спальня родителей и, конечно, сени с множеством всяких чуланчиков и кладовок.

Мой отец содержал дом в образцовом порядке. Вообще, все в нашей жизни держалось на нем. Моя мама была моложе его лет на пятнадцать, и во всем ему подчинялась. Она не ходила, как все на работу, что по тем временам считалось чуть ли не аморальным. Зато моя мама была неплохой портнихой, и поэтому я всегда ходила в обновках.

Родители меня «шибко баловали». По крайней мере, так говорила наша соседка – тетя Таня. У ней не было мужа, зато было целых три сына. Как в настоящей сказке: два умных, а третий – дурак.

Может показаться странным, но именно этот умственно отсталый мальчишка стал моим другом. Только я тогда не знала, что он какой-то ущербный, просто мне с ним нравилось играть. Васька всегда пребывал в отличном расположении духа, а самое главное – во всем и всегда подчинялся мне. Для него я была непререкаемым авторитетом. Представьте, эдакая пигалица метр с кепкой на тонких ножках командует крепким мальчуганом с ладонями, как лопаты.

Странной мы были парой, но нам было хорошо вместе. К тому же, все остальные дети ходили в детский сад, только мы с Васькой оставались дома. И всё у нас с ним было замечательно, пока Ваську не отправили в интернат, а мне пришлось идти в школу.

Когда в первый раз в белом кружевном фартуке с такими же белыми капроновыми бантами в косичках и с белыми игольчатыми астрами в руке мама привела меня в набитый точно такими же, как я, первоклашками двор школы, я, испугавшись безликости толпы, развернулась и пошла обратно. Сказала, что мне здесь не нравится, и вообще, дома осталось много дел, и мне совсем не хочется носить как все коричневое платье с фартуком и вплетать в косички белые, как шар банты. Мама даже растерялась. А я, уверенно держа перед собой уподобленные хризантемам астры, вернулась домой.

Второго сентября в школу повел меня уже отец. У него нашелся для меня весьма весомый аргумент. Он сказал, что я самая красивая и умная девочка, и все обязательно должны об этом узнать. Так отец возвел меня на пьедестал и задал инерцию успеха. Учеба давалась мне легко, в табеле ровным столбиком регулярно выстраивались толстозадые пятерки.

Круглых отличниц, говорят, не любят, считают задаваками. У нас в классе было по-другому. Практически все, и мальчишки, и девчонки, спокойно относились к моему превосходству. К тому же, не смотря на мой юный возраст, я была неплохим дипломатом. Иногда я приглашала своих одноклассников и одноклассниц к себе в гости, чему они были несказанно рады. Многие из них жили в душных квартирах кирпичных хрущёвок и панельных брежневок, и не имели такого простора для игр, каким был наш двор.

Летом для нас привязывали между деревьями качели, зимой лепили ледяную горку. У меня была кошка-богатка и стокилограммовая овчарка с кличкой Лютый, которого, чтобы не так было страшно, я переименовала в Лютика. Ни коров, ни поросят родители не держали. Только курочек, чистеньких и беленьких. Когда появлялись цыплята, я звала кого-нибудь из одноклассниц, и мы долго наблюдали за беспомощными желтыми комочками и придумывали им клички: Чижик, Пыжик, Пушок. Одного цыпленка я назвала в честь моего первого друга Васькой.

Настоящего же Ваську выпускали из интерната только четыре раза в год. Когда его привезли на первые летние каникулы, я заметила, что у него начали косить глаза, да и ходить он стал как-то неуклюже, носками во внутрь. Подчас это меня смешило, особенно когда он падал, стараясь догнать меня. Васька на меня никогда не сердился, зато становился совершенно диким, когда кто-нибудь другой обижал его. Тогда его косые глаза наливались кровью, пальцы сжимались в большие кулаки-кирпичи, и с яростью бешеного быка он набрасывался на обидчика. Парни его дико боялись и старались дразнить только издали. Или швырнут камень, и наутек. Эти трусы знали, что косолапый Васька не мастак бегать.

Но однажды Васька исчез. Он не приехал ни на летние каникулы, ни на зимние, а вскоре и сама тетя Таня куда-то переехала. Так исчез из моей жизни мой первый друг. До сих пор помню его чуть косящий левый глаз и мягкие, будто переспелая вишня губы. Помню я и как он мастерски умел кидать камешки в воду. Как я ни старалась, мой камень, едва сделав два-три прыжка, нырял и больше не выныривал. Его же плоские кругляки скакали, как испуганные лягушата по кочкам.

Впрочем, если быть честной, я почти не заметила Васькиного исчезновения, ведь в детстве принимаешь мир таким, каков он есть. Живет рядом Васька – хорошо, нет – находится много другого интересного.

В год исчезновения Васьки родители летом повезли меня к морю, и когда в сентябре я снова пошла в школу, оказалось, что я самая высокая. В пятом классе сто пятьдесят девять сантиметров – это круто! У меня начали формироваться груди. Болезненное, неприятное ощущение. Я не стеснялась своего роста, но скабрзные шутки одноклассников по поводу моих излишне пышных форм, невольно заставили меня согнуть спину. Вероятно, поняв мое внутреннее состояние, мой папа, не спросив моего согласия, записал меня в секцию художественной гимнастики. Спорт научил меня гордиться красотой своего тела. Так что подростковый кризис я успешно преодолела. И у меня снова появился друг. В отличие от Васьки, Витя оказался очень умным.

В день нашего знакомства после уроков я вышла во двор. За спиной – ранец, в левой руке – матерчатый мешок со второй обувью, в правой – цветочный горшок. Моя мама несколько лет назад стала разводить кактусы. Как-то в классе я похвасталась, что пятисантиметровый кактус зацвел сразу десятью цветками. Даже учительница по биологии не поверила и попросила принести феномен в школу. Я принесла. Одноклассники вдоволь наохались, разглядывая полыхающие язычки цветков. После столь бурного восторга я должна была в целости и сохранности доставить на место мамино колючего уродца. Этим экземпляром мама особенно гордилась.

Представьте себе такую картину. Теплый апрельский день. В тени здания школы жмутся осевшие под собственной тяжестью ноздреватые сугробы, но земля уже кое-где выпросталась из-под снега, чернея топкостью луж. Я бережно прижимаю цветочный горшок и выискиваю

место посуше, чтобы пройти, не запачкав сапог. И тут на меня сзади налетает мой одноклассник. Сашка толкает меня в спину, и я падаю прямо в лужу. Горшок с цветком отлетает в сторону. От неожиданности я начинаю рыдать. Сашка убегает, зато подходит Витя. Выразительные черты лица, густые брови, римский нос, плотно сжатые тонкие губы. Я гляжу на него снизу вверх и испуганно всхлипываю.

Витю знала вся школа, но друзей у него не было. Он казался мне взрослым и очень серьезным. Как я позднее узнала, его отец убил человека. Мать его от горя онемела и практически обездвижена. С двенадцати лет Витя стал отвечать сам за себя и за свою несчастную мать, которая год за годом высыхала и превращалась в мумию. Жили они тоже в частном доме и существовали на инвалидную пенсию матери. Летом Витя подрабатывал на местном металлургическом заводе.

Школярам Витя казался чуть ли не суперменом. Даже учителя его звали, не Витей, как я, а только Виктором, и, наверное, немного его побаивались. Учился он хорошо, только ни в каких школьных мероприятиях не участвовал. Закончатся уроки – сразу домой. Все хозяйство было на нем, и его полуживая мать всецело зависела от него. Он готовил еду, когда пригревало солнце – выводил мать во двор, вечером обратно уводил в дом.

Когда я свалилась в лужу, Витя поднял меня, вытер мои руки своим носовым платком, подобрал треснувший горшок с кактусом. Он думал, я плачу от страха перед родителями за испачканную одежду. А я ревела от обиды и унижения. Да и цветок было жалко. Но сам кактус не пострадал, только уже закрывшиеся цветки помялись. Я знала – он цветет только три дня, сегодня был именно третий. И это меня примирило с действительностью.

Витя повел меня к себе домой, там он довольно быстро сумел превратить мою грязную и мокрую одежду в чистую и сухую, и только потом отвел меня к родителям. На следующий день я с гордостью рассказывала своим одноклассникам, что была у Виктора в гостях. Девчонки мне не поверили, но я решила им доказать.

После уроков возле школы мы расчертили сухой клочок асфальта и стали играть в классики. Я все поглядывала на входную дверь. И вот вышел Витя. Я бросилась к нему, демонстративно взяла за руку, и мы вместе вышли за школьную ограду. Девчонки обалдели.

На углу школы Витя остановился, вопросительно взглянул на меня и спросил:

– Ну? Что дальше?

– Я математику не понимаю. Помоги, – неожиданно для себя сказала я.

На самом деле, хотя математика мне давалась не так легко, как остальные предметы, но с домашними заданиями я справлялась.

Он секунду думал, потом кивнул.

– Приходи в четыре. Я пока с делами управлюсь.

– Приду, – радостно ответила я и вприпрыжку побежала домой.

С того времени я часто бывала у Вити дома. Не знаю почему, но мои родители ничего не имели против нашей дружбы. Поначалу мне было несколько неловко в присутствии Витиной молчаливой матери. Потом я к ней привыкла, как привыкают к неподвижному предмету обстановки.

Почему я буквально приклеилась к Вите? До сих пор затрудняюсь сказать. Может, нуждалась в опеке старшего брата, или мне льстило, что ни у кого нет такого большого и загадочного друга. Но с ним мне было интересно. Даже просто молчать и наблюдать, как он рубит дрова, как топит печь, как готовит обед. Я ему помогала во всех его домашних делах. Родители мне ничего не поручали по хозяйству, а у него дома я чувствовала себя незаменимой. Я научилась чистить картошку, варить супы и каши. Особенно удавалась мне пшенная каша. Я сама придумала, как сделать ее вкусной (честно сказать, подсмотрела, как тетя Таня варила). Сначала я перебирала крупу и заливала водой. На газовой плите – мы пользовались сжиженным газом из баллонов – доводила до кипения, промывала холодной водой и снова ставила на

конфорку, наливала молоко, добавляла соль, сахар, масло или маргарин, снова ждала, когда закипит, и убирала на горячую печку. Каша получалась обалденно-вкусной. Даже мать Вити, которая ела, как курица, уминала полную тарелку.

Рядом с Витей время пролетало незаметно. Сделаем уроки, приготовим-поедим, помоем посуду, глядь – смеркается. Мама с папой настаивали, чтобы я дома была не позже девяти.

Раз – и закончился учебный год. Я опять стала отличницей, и меня наградили толстой книгой. «Тысяча и одна ночь», в самый раз для девочки, закончившей пятый класс. Книгу я прочитала, дала Вите. Он полистал, приподнял брови, посмотрел мне прямо в глаза. Взгляд его был настолько странным, что я смутилась.

- Кто тебе дал? – спросил он.
- Марь Ванна на окончание подарила.
- Интересно, сама то она видела, что дает?
- Вряд ли.
- Вот и я думаю... Как тебе?
- Нормально. Понравилось.

Он снова взглянул на меня своим странным взглядом, притянул к себе и поцеловал. В первый раз, в лоб.

Я читала о том, какое впечатление производит первый поцелуй. «Я успела умереть и возродиться в те несколько секунд, что длилось это прикосновение» или «мое сердце превратилось в трепетную птицу, забившуюся у меня в груди». Бред все это. Мокрые губы касаются кожи и ничего больше. Я даже не закрыла глаз, и смотрела, как по его свитеру ползет божья коровка. Как только Витя отстранился, я сняла с него букашку и положила на ладонь. «Божья коровка, улети на небо...», – запела я. Пятнистый, яркий панцирь раскрылся, тонкие, словно сотканые из воздуха крылья развернулись. Оттолкнувшись от моей ладошки, букашка взлетела.

– Ребенок, – улыбнулся Витя, взял расческу и, разделив мои волосы пробором, заплел две косички. Он не любил, когда я ходила с распущенными по плечам волосами.

2

Летом Витя снова устроился на металлургический завод. После работы он заходил за мной, и мы шли купаться на пруд. О чем разговаривали – не помню. В основном, трещала я, а он снисходительно слушал, изредка вставляя слово-другое. Кстати, у нас оказалось много общего: мы любили читать книги, по телику смотрели художественные фильмы, иногда что-нибудь из спортивных соревнований. Часто мы просто сидели перед открытой печной заслонкой и наблюдали за пляшущим пламенем на горящих дровах и молчали. И ели мы с Витей одну и ту же пищу, не разделяя ее на полезную и вредную, как это делали мои родители. Что было вкусным – для нас было полезным. И мы не умели быть душой компании. И вообще, мы не любили большие компании, как и компании вообще. Мы довольствовались обществом друг друга. Двенадцатилетняя девочка и шестнадцатилетний парень. В детстве разница в четыре года казалась пропастью. Но только не для нас.

Однажды мы с Витей загорали около речки. Отъехали немного от города, нашли подходящее место под ивами и устроили пикник. Расстелили покрывало, выложили пакет с едой, бутылку с квасом, книги. Поплавали немного. Вода от родников казалась ледяной, а солнце готово было зажарить нас, как глазунью на сковороде. Я разлеглась на покрывале и любовалась узором листвы, вышитой солнечными нитями по краям. Золотистые стежки по темно-зеленому, почти черному – красиво.

Витя сидел рядом со мной и чистил ивовый прут для импровизированного шампура. Мы часто жарили на костре сосиски и, обмазывая их горчицей, с удовольствием уминали за обе

щеки. Знали бы мои родители, чем питается их дочь, они бы пришли в ужас. А может, они и знали. По крайней мере, всегда отпускали меня с Витей на речку и не удивлялись, что я частенько возвращаюсь сытой. Сосиски я покупала на свои деньги. Родители каждую неделю выдавали мне мелочь на карманные расходы. Этих денег хватало на полкилограмма сосисок и булку хлеба.

Итак, я лежала под деревом, скользя взглядом по кроне дерева.

– Вить, а правда твой отец человека убил? – спросила я слегка дрожащим от волнения голосом – так захотелось мне поскорее узнать его тайну.

Перочинный ножик застыл у него в руке, но чуть погода вновь заскользил, оставляя за собой светло-зеленые дорожки.

– Нет, – спокойно ответил он, но я увидела, как дернулся кадык на его шее.

– Говорят он в тюрьме. Тоже врут? – не унималась я.

– Нет, – повторил он.

– Разве так бывает? – я приподнялась на локте и в упор посмотрела на него: что он скрывает? Отчего-то мне показалось, Витя не хочет говорить со мной откровенно.

– Бывает, – снова односложно ответил он, точными движениями ножа обстригивая ивовый прут.

– А почему такие несправедливости случаются? – Продолжала я допытываться, хотя ощущала, насколько разговор ему был неприятен.

Наконец, Витя отложил последний очищенный от коры прут в сторону, вытер двумя пальцами лезвие, убрал нож в карман и обернулся ко мне. Его обычно серые с бирюзинкой глаза на этот раз отливали сталью. Мне показалось, что этим колким взглядом он пронзил меня насквозь. Теперь я была почти уверена, что Витя хранил в себе какую-то жуткую тайну. Я поежилась и натянула на себя рубашку, будто хотела тем самым оградить себя не столько от ветра, сколько от чего-то страшного.

– В жизни случаются ошибки, – сказал Витя. В его голосе мне послышалось отчаяние. Он протянул ко мне руки и, опустив голову, стал сосредоточенно застегивать на моей рубашке пуговицы. Когда он просунул последнюю пуговицу в петлю и поднял глаза, его взгляд немного успокоил меня. Витя снова смотрел на меня, как обычно. И все же я чувствовала – он что-то скрыл от меня. Может, он хочет меня оградить от чего-то чуждого мне? Ведь и я сама, когда на экране должно было появиться нечто, пугающее меня, зажимала глаза да еще для пущей верности прикрывала лицо ладонями.

Вопросов я больше не задавала, но по дороге домой, Витя сам стал рассказывать о своем детстве. О том, как он любил мать и как ненавидел отца.

Я узнала, что до своей болезни его мать работала в школе библиотекарем, отец – в горячем цехе металлургического завода. Как водится у мужиков, которые занимаются тяжелым физическим трудом, его отец пил. Сначала по пятницам, субботам и праздникам, позднее – после работы почти каждый день. Вечером трескал картошку с салом и крепко выпивал, утром опохмелялся и шел на завод. Мать терпела, ни слова поперек не могла сказать и всегда держала в холодильнике рассол из-под соленых огурцов или квашеной капусты, иногда простоквашу в литровой стеклянной банке.

Когда Вите было тринадцать лет, восьмого марта, не желая весь свободный день любоваться пьяными мордами отцовых собутыльников, он уехал на рыбалку.

– Если бы знал, что так выйдет, остался бы дома, – рассказывал Витя, шагая рядом со мной и глядя себе под ноги. – Мне потом мамкина подружка, тетя Нюра рассказала, как все было. Она вечером заглянула, чтобы подругу поздравить, а мать лежит на полу вся в крови и почти не дышит. Отец на диване храпит вусмерть пьяный. Тетя Нюра – в библиотеку, там телефон. Вызвала скорую, потом приехала милиция. – Витя остановился, присев на одно колено,

завязал шнурок на кеде, снова выпрямился. Его лицо порозовело, на переносице я заметила капли пота. – Не устала? – спросил он. Я замотала головой. – Ладно, тогда вперед. – Витя закинул за плечо спортивную сумку, куда мы сложили все свои вещи, и еще раз взглянув на меня, пошел вперед, сосредоточенно глядя куда-то вдаль. Я не отставала.

– Вить, а дальше что? – не стерпев молчания, спросила я. Он внезапно остановился, и я с размаху налетела на него. – Ой! – вскрикнула я и рассмеялась. Витя, повернув ко мне голову, посмотрел мне прямо в глаза, и мой смех оборвался так же внезапно, как и начался.

– Интересно, значит... – хрипло выдохнул он.

– Нет... Да... – растерялась я, тщательно рассматривая свои вдруг ставшие влажными ладони. – Просто... – Я подняла голову и, глядя в его цвета августовской зелени глаза, сказала, – Я все хочу знать о тебе. Ведь мы же настоящие друзья, да?

Витя снисходительно улыбнулся и расстегнул верхнюю пуговицу на моей рубашке.

– Пить хочешь? – спросил он, снимая с плеча сумку.

Жажды я не ощущала, но все равно кивнула. Витя достал железную фляжку, какие выдают военным, и открыл крышку. Я сделала глоток.

– В общем, отвезли мать в больницу, – продолжил Витя, принимая из моей руки флягу. – Два ребра сломаны, сотрясение мозга. Отца в милицию забрали. – Он положил флягу в сумку, застегнул молнию и, перебросив сумку через плечо, опять зашагал. – К матери милиционер в больницу приходил. Я как раз в палате был.

– И что она рассказала? – снова не удержалась я и тут же застеснялась своего праздного любопытства.

– Все, – ответил Витя, не заметив моего смущения. – Рассказала, как отец снова выпивал в компании. Один из дружков его пришел позже всех. Мать дала ему стопку, подала закуску. Опоздавший наелся, напился и стал приставать. Мать отпихнула его. Тот шмякнулся мимо табурета и случайно опрокинул бутылку самогона, которую принес с собой. Из-за того, что мать его не подпустила или жалко самогона стало, мужик разозлился. – Витя приостановился, перекинул сумку на другое плечо и прибавил шаг.

– Чем дело закончилось? – спросила я, с трудом поспевая за ним.

– Отца выпустили, мать выписали из больницы. Заявление в милицию она не подала, дело заводить не стали.

– А ты говорил ошибка... отец сидит.

– Сидит, – подтвердил Витя, не глядя на меня. – Мужик, который мать избил, исчез. Его потом в малиннике с проломленной башкой нашли. Отца посадили.

Я помню, как мне было страшно слушать эту историю, словно что-то темное и неумолимо жестокое пыталось ворваться в мою жизнь, но я мужественно держала оборону. Ворота моего сознания были крепко заперты на все щеколды. Наша семья жила совершенно иначе. Папа много работал, приходил поздно, в субботу-воскресенье занимался домом, огородом, выгуливал Лютика. Я помогала ему. Мама тоже постоянно была чем-то занята: шила, вязала, занималась своим цветником, ходила в гости к подружкам. Своего отца я никогда не видела пьяным. На праздничном столе, когда собирались родительские друзья, стояли какие-то бутылки. Но, как говорил мой отец: «Вино легко пьется и песня рекой льется». Мой отец любил петь, когда был чуть навеселе. Мама ему всегда подпевала. Как мне кажется, они очень любили друг друга, а я была, в некотором роде, побочным продуктом их любви. Папа находил, что мои синие глаза – точная копия маминых, а маме очень нравились мои волосы. Она говорила, что у папы, когда они познакомились, были точно такие же. Цвета меда в солнечный день. Гречишного меда. Она умела подбирать сравнения.

Мы с Витей продолжали дружить и в следующем учебном году, когда он готовился к выпускным экзаменам. Папа лечил директора книжного магазина, поэтому у нас дома была хорошая библиотека. Из дома я таскала книги для Вити, и после всех дел, устроившись рядом на диване, мы погружались в мир вымысла. Иногда я читала вслух, а Витя молча сидел напротив печки, приоткрыв заслонку, и смотрел на огонь. Я любила «Мцыри» и Эдгара По. Вите, вроде, тоже эти книжки понравились.

Однажды зимой, уже после новогодних каникул, мы сидели на диване, укрывшись одним одеялом, и читали. В доме было прохладно. Мать его, как всегда, лежала на кровати. Лучи закатного солнца просачивались сквозь небольшие окна, расчерчивая деревянный пол на яркие квадраты.

Витя встал. Без него мне стало холодно. Я вылезла из-под одеяла, села напротив печки и приоткрыла заслонку, чтоб ощутить жар набирающего силу пламени. Витя вышел во двор за дровами для утренней растопки.

– Не опалились.

Я вздрогнула от тихого, надтреснутого голоса. Передо мной стояла мать Вити. Линялый байковый халат, хлопчатобумажные носки, стоптанные мягкие тапочки. Я боялась поднять глаза, чтобы не встретиться с ее потухшим взглядом. Она протянула руку, вероятно, намереваясь погладить меня по голове, но я, испугавшись, отпрянула. Ее морщинистая ладонь, на секунду застыла в воздухе и медленно опустилась. Как была, в одном халате, она открыла дверь и вышла. Морозный воздух молочным облаком ворвался в проем двери, и тут же смешался с теплом кухни. Я еще несколько минут посидела у печки, но почему-то мне было не по себе. Накинув шубу, в два прыжка я проскочила темные сени и выбежала во двор. Смеркалось, было морозно, не меньше двадцати пяти. Двор был пуст.

– Витя! Витя! – закричала я.

Он вышел из-за сарая, прижимая к груди охапку дров.

– Чего орешь, как оглашенная?

– Твоя мать... Она куда-то пошла. Я думала на улицу, а ее нет.

Витя бросил дрова себе под ноги и ринулся в сени. Открыл дверь, которая вела в баню (у них баня была, как пристрой), и тут же закрыл, прислонившись спиной, словно боялся, что дверь распахнется сама собой. В сенях было темно, но я почему-то помню, как с его лица мгновенно сошли все краски, в глазах застыл ужас. Наверное, я стояла очень близко.

– Уходи, – еле разжав губы, произнес он.

Я стояла, не смея двинуться с места. Ноги стали ватными, под коленками образовалось нечто вроде пустоты. Я задрожала всем телом.

Витя взял меня за руку и отвел домой. Ночью у меня поднялась температура. Следующие пять дней температура металась от тридцати девяти до тридцати пяти. Болезнь вымотала меня до предела. Когда температура спадала, я еле дышала, каждое движение давалось с трудом, когда поднималась, суставы выворачивало, как на дыбе. Когда термометр стал показывать тридцать шесть и две, мама повела меня в поликлинику за справкой в школу. Врач услышала посторонние шумы в моем сердце. Меня положили в областную больницу с диагнозом миокардит, осложнение после ОРЗ, потом дали направление в санаторий.

Когда я вернулась в школу, Вити уже не было. Он заколотил окна в доме и переехал к бабушке, которая жила где-то поближе к Москве. Потом родители мне сказали, что мать Вити повесилась, а примерно через неделю пришло уведомление, что и отец его умер в тюрьме. Я тогда подумала, что, наверное, Витина мать каким-то образом раньше всех узнала о смерти своего мужа и больше не нашла в себе силы жить.

Перед отъездом Витя передал моим родителям для меня песочные часы и запечатанный конверт. Часы были на пятнадцать минут. Когда они еще стояли на столе у Вити, я часто переворачивала их и смотрела, как мелкие песчинки непрерывно текут сквозь узкий перешеек.

Однажды, когда мы вместе делали уроки, я оторвала взгляд от учебника и застыла. Несколько последних песчинок упали в нижний отсек, и тут у меня мелькнула мысль, а что, если сейчас время остановится, а вместе с ним и вся моя жизнь? Но не успела я об этом подумать, как Витя машинально протянул руку и перевернул часы.

– Все. Делу время – потехе час. – Он решительно закрыл учебник и поднял на меня глаза. Глаза были усталыми, и одновременно веселыми.

– Ты все уроки сделал? – поинтересовалась я.

– У меня есть другие дела, – ответил он, убирая учебник и тетрадь в портфель.

– Важнее уроков?

– Не знаю важнее или нет, просто другие.

Он вышел из-за стола, подошел к матери, которая сидела у окна рядом с бубнящим радиоприемником, наклонился и о чем-то спросил. Она кивнула. Витя принес ей кружку с молоком и ломоть черного хлеба.

– Будешь? – спросил он меня.

– Сначала доделаю уроки, – ответила я.

Витя надкусил ломоть. Аппетитно пахло свежим хлебом. Я отодвинула тетрадь и сказала:

– Принеси мне тоже.

Пока он ходил на кухню, я смотрела, как течет песок в часах.

– Надо уметь вовремя переключаться, – сказал Витя, ставя передо мной стакан с молоком.

– Это как? – не поняла я.

– Вот ты про уроки... Иногда тебе кажется, что вызубрить какую-нибудь химическую формулу – это самое важное. Потом время проходит – и что? Пшик. За ненадобностью та формула давно вылетела у тебя из памяти. – Он допил молоко и поставил стакан на стол. – Вот и получается, то, что казалось самым-самым важным, оказалось просто так, пустым местом. Ты стараешься, чтобы получить пятерку, переживаешь, если вместо пятерки у тебя вполне нормальная четверка, а пройдет немного времени и поймешь, что все эти оценки – сплошная борьба тщеславий и суета. – Витя перевернул часы, и опять из полной колбы в пустую стал перетекать песок. – Иногда нужно себя встряхивать, как вот эти часы, и тогда то, что казалось самым главным, перемешавшись с другими более нужными и совсем пустыми делами, становится таким же обычным, как и все остальное.

Когда он говорил, я, не отрываясь, смотрела в его спокойное лицо. Витя словно куда-то улетел мыслями. Говорил обычные простые слова и в то же время думал о чем-то своем. Тогда я не поняла, а сейчас думаю, что он имел в виду не только учебу и школьные оценки, а что-то гораздо более важное, и он был прав насчет того, что нужно иногда себя вытаскивать из привычного состояния. Только сейчас нашли другие слова для выражения той Витиной мысли: перезагрузиться, сделать паузу, оторваться... Нет, пожалуй, «оторваться» – это про что-то другое.

Покрутив в руках часы, я поставила их на стол, распечатала конверт. В конверте, как я и ожидала, была записка. Очень короткая. Дословно сейчас не вспомню, но смысл был таким, что пока я еще маленькая, мало что понимаю, но когда вырасту, мы будем вместе.

Я долго хранила ту записку в ящике своего письменного стола. Потом куда-то переложила, и совсем забыла. Часы тоже исчезли.

4

Я стремительно взрослела. Менялось всё: моя фигура, лицо, отношения с другими людьми. Что раньше казалось мне простым и ясным вдруг осложнилось. Похоже, я превращалась в красавицу. Об этом говорили все: мои родители, друзья моих родителей, мои одноклассники и даже одноклассницы. Честно скажу, отражение в зеркале меня тоже не разочаровывало.

Некогда нескладная и угловатая я стала нравиться сама себе, как будто эскиз превратился в законченную картину. Иногда мать заставляла меня перед потемневшим от времени трюмо, где я разглядывала саму себя, словно привыкая к своему новому облику. Стройные длинные ноги, крепкие бедра, узкая талия, высокая грудь. Грудь казалось слишком тяжелой на моем хрупком теле. Первым делом, кто со мной знакомился, сначала натывался на мои выпуклости, и только потом поднимал глаза. Это меня крайне раздражало, но постепенно я привыкла. А что мне оставалось делать? Пришлось научиться на многие вещи смотреть свысока, тем более я стала достаточно высокого роста, сто семьдесят три сантиметра. На этой отметке, к своему облегчению, я и остановилась. Когда в десятом классе на физкультуре девчонок выстроили в ряд, я была третьей, и половина мальчишек была выше меня.

У одноклассников забурили гормоны, и только я, похоже, осталась такой же адекватной, как прежде. Практически все мальчишки нашего и параллельного класса делали попытки сближения со мной, но мне одноклассники были неинтересны. Да и парни не особенно настаивали, вероятно, даже не надеясь на взаимность.

Я думаю, что красивые люди всегда находятся на некотором расстоянии от остальных. Это и понятно, любой ищет себе пару, человека, с кем можно чувствовать себя комфортно. И мало кто поднимает перед собой достаточно высоко планку. Вдруг по лбу получишь, или еще хуже – обсмеют. Так зачем идти на рекорд? Зачем стремиться к лучшему, если сам ощущаешь себя посредственностью? Вот и скучают красавцы и красавицы перед собственным отражением.

Итак, в свои шестнадцать я пребывала в гордом одиночестве. Парни в этом возрасте хотят секса, но не знают, как это делается. Смотрят гадкие картинки, много скабрезничают, вероятно, все мастурбируют, но мало кто знает, как подступить к живой женщине. Тем более девушке. А я была девственницей и никого близко к себе не подпускала. Каким-то внутренним чутьем я понимала, что нахожусь в стадии подготовки, так сказать, генеральной репетиции к той главной жизни, которая ожидает меня за порогом школы.

Школу я закончила, когда отбушевала война за передел собственности и кислотными оттенками раскинулся на прилавках китайский ширпотреб, как предвестник будущего изобилия. Я поступила в питерский педуниверситет на исторический факультет. Конкурс был по-прежнему большой, но я умудрилась набрать нужное количество баллов на бюджет. Как иногородней, мне предоставили общежитие.

Со мной в комнате было прописано еще двое: Лариса с четвертого курса и моя одногруппница Алка. В общежитии Лариса появлялась только когда ссорилась со своим парнем. Но это случалось чрезвычайно редко, так что мы с Алкой почти всегда разделяли комнату на двоих.

Странной Алка была девчонкой. Небольшого роста, худущая, с жилистыми ногами по форме напоминающими икс. Лицо жесткое, выпирающие скулы, маленькие глаза-буравчики близко посажены к переносице. Алка приехала тоже из провинции, до Питера чуть больше восьми часов поездом. Алкины родители были из высланных немцев. Отец работал шофером, мать врачом. Дом и двор содержали в идеальном порядке. Выращивали овощи; была корова с теленком, еще кое-какая живность, но все равно жили бедно. Впрочем, это типично для нашего российского жизнеустройства.

В первый же день нашего знакомства Алка поделилась со мной своими планами. Ей хотелось сделать карьеру. Конечно, она называла это как-то иначе: тогда слово «карьера» не было в почете, «карьеристом» обзывали зарвавшегося выскочку. Алка планировала учиться на только на «отлично», закончить с красным дипломом и стать политическим обозревателем, а лучше кем-нибудь из управленческого аппарата. Вот такой она была по тем временам «продвинутой» и дальновидной.

Каждый день у Алки начинался с пробежки. Пока я спала, она делала несколько кругов вокруг общежития, готовила завтрак, потом будила меня. Вместе мы шли на занятия, на лекциях сидели рядом.

Такая жизнь продолжалась недолго. Начались дожди, и я стала просыпаться под шумное сопение и шлепанье босых ног по деревянным доскам пола – это Алка совершала свой утренний моцион: приседания, отжимания, прыжки, бег на месте. Я с головой пряталась под одеяло, но назойливые, как комары звуки ее сопения и топтания на месте и там доставали меня. Пришлось мне разрешить ей включать по утрам мой магнитофон. Музыка в какой-то мере примиряла меня с ранним пробуждением.

Понятное дело, что я не могла ограничиться обществом соседки по комнате. У меня появились кавалеры. За семестр меня «клеили» все мои сокурсники. С кем-нибудь из них я бродила по бетонированной набережной, сидела на холодных скамейках, согревалась в кинозалах. С Кузей, Женькой и Виталиком я даже целовалась.

Они мне все нравились. Мне было интересно гулять с ними, болтать, принимать от них комплименты, но не больше. Ни с кем из них мне не хотелось остаться. Вообще-то они были классными ребятами. Кузя знал кучу анекдотов, Женька был красив, как греческий бог, Виталик – умен до неприличия, а Фарид готов был ради меня на все. Но... каждый хотел быть для меня единственным, а я, как на грех, ни в кого не влюблялась. Я даже стала подумывать, нет ли у меня какого-то изъяна? По тем временам девственность в восемнадцать уже считалась патологией.

К концу первого семестра Кузя стал дружить со Светкой, Виталик нашел кого-то с филфака, а Женька запутал между Маринкой и Элкой (но поговаривали, что переспал он с обеими). И только Фарид продолжал вздыхать подле меня, но и он, как мне показалось, начал поглядывать в сторону толстушки Лильки. В конце концов я решилась.

После зачета по латыни я позвала Фариду к себе в комнату. Алка, не удовлетворившись тройкой, пошла в библиотеку готовиться к пересдаче экзамена и должна была вернуться только к вечеру. Я поставила в магнитофон кассету с «Аббой», присела на кровать. Фарид неловко шлепнулся на стул напротив меня. Одним махом я скинула водолазку, и, не мигая, уставилась на него. Его щеки пошли пятнами, глаз задергался, на лбу выступила испарина. Сделав судорожное движение ртом, Фарид протянул ко мне руки. Его ладони, слегка подрагивая, застыли в нескольких миллиметрах от моих вздыбленных сосков (в комнате было прохладно). Он неотрывно смотрел на мои груди, как будто перед ним нечто настолько экзотичное, что может быть опасным. Я передернула плечами, грудь колыхнулась.

Фарид осторожно дотронулся до моего отвердевшего от холода соска, а я сидела, как дура набитая, и как будто со стороны наблюдала весь этот фарс: как на медосмотре до пояса раздетая девушка совсем зачоченела, а парень, будто из бани, пот градом льется. Честно скажу, мне не очень-то нравились его потные ладони, влажный лоб, мокрые, беззвучно шлепающие губы. Я закрыла глаза. Фарид, будто только того и ждал. Он судорожно впился в мои губы и протолкнул свой скользкий язык в мой рот. Его руки до боли сжали мои груди.

– Ты что, очумел?! – вскрикнула я и отшатнулась. Его глаза вспыхнули. Мне показалось, что он разозлился. – Извини, – стараясь улыбнуться, сказала я, – я еще не готова.

– Да-да, – закивал Фарид в ответ, и его ладони снова сжали мои груди.

Я схватила его за запястья и с силой оттянула его руки вниз.

– Мне не нравится, – уже жестко сказала я.

– Ну, п-пожалуйста, – пролепетал он и вдруг как бухнется на колени, уткнулся головой прямо в мой живот. – Я столько мечтал об этом... не прогоняй... я не сделаю тебе ничего такого... только разреши, – шептал Фарид, шаря по моим бедрам. Он дрожал, как лихорадочный, целовал мой живот и одновременно пытался стянуть с меня джинсы.

– Пусти меня! – крикнула я и попыталась встать. Он рванул с меня джинсы, мои трусики оказались внутри, и я оказалась полностью обнажена.

Такое развитие событий мне совсем не устраивало. Что есть силы я схватила Фариду за плечи и, помогая себе коленкой, отпихнула от себя. Он отлетел в сторону и стукнулся головой о ножку стула. Стул с грохотом упал. Фарид потерял ушибленное место и сел на пол. Я уже успела застегнуть молнию на джинсах и потянулась за водолазкой. Фарид, словно Матросов к амбразуре, бросился к стулу, где валялась моя одежда, и прикрыл ее своим телом.

– Не слишком ли ты спешишь? – сказал он и повернул ко мне искаженное злобой лицо.

Я испугалась не на шутку. Никогда я не видела таких глаз: налитых кровью, с расширившимися до предела зрачками, с подергиванием нижнего века. С испугу я залепетала:

– Фарид, я не хотела сделать тебя обидеть, ты не сердись и вообще... и...и... у меня нет... ну чтоб безопасно, сам понимаешь, не мальчик, – нашла я.

– У меня с собой, – глухо сказал он, выпрямился и перекинул через свою руку мою водолазку, словно официант, готовый принять заказ. – Может, начнем?

По моей спине, казалось, пробежал табун мурашек, в секунду я с ног до головы покрылась холодным потом.

– Фарид, ты мне нравишься, – снова начала я, – только мне трудно... у меня никогда... у меня еще никого никогда не было.

– Ух, ты! Правда? Ты что?.. – выдохнул он, – ты девственница?

Я яростно закивала. Фарид скептически растянул губы.

– Женька рассказывал, ты классно трахаешься.

– Врет! – Я аж подпрыгнула на месте. – Он все врет. Я не такая, как другие. Эта скотина ничего от меня не добился, вот и распускает язык без толку.

– Понятное дело, – отрубил Фарид, мгновенно посерьезнев. – Я чувствовал, что с тобой у него прокол вышел. Как же, такого плейбоя продинамила! – Фарид неприятно хохотнул и кинул мне водолазку. – Надевай. – Он отвернулся. Я судорожно просунула голову в отверстие ворота. – И послушай... – Он повернулся ко мне. Я лихорадочно запихивала край водолазки в джинсы. – Если ты девушка, так почему не носишь бюстгальтер? У меня от тебя все время в штанах мокро.

– Я ношу... сегодня забыла, – кротко сказала я, застегнула пуговицу на джинсах и сразу почувствовала такое облегчение, что невольно расплылась в улыбке.

– Нда... – Фарид неодобрительно тряхнул головой. – Одевайся скромней, сама целее будешь, – сквозь зубы процедил он. – Не все такие порядочные, как я. – Он еще раз смерил меня с ног до головы, словно хотел отыскать признаки моей девственности. – Наши девушки так себя не ведут, в гости не зовут... и... и потом не сопротивляются, – добавил он, и его темные глаза снова недобро сверкнули.

– Извини, – склонив голову, сказала я, внутренне празднуя окончание неприятного инцидента. – Не думала, что так трудно будет. Вроде, уже взрослая... И ты мне нравишься... Правда. Только... Уж пойми...

– Ладно, усек, тебе надо привыкнуть... Я подожду.

Дверь за Фаридом закрылась, и я готова была зарыдать от облегчения. На следующий день я уехала домой и за время каникул ни разу не вспомнила о моем несостоявшемся любовнике. Как же я была поражена, когда в начале второго семестра Фарид всем объявил, что я его девушка. Я попыталась проигнорировать его заявление, но он чуть ли не каждое утро встречал меня около общежития, на лекциях старался сесть рядом, покупал билеты то в кино, то в театр, то приглашал на стадион. Он постоянно крутился рядом, потел и дергал глазом. Каждый, наверное, на себе испытал вампирскую настойчивость комара в душную летнюю ночь. Нечто

подобное приходилось терпеть мне. Только просто отмахнуться или, конечно, прихлопнуть на месте, Фарида я не могла. А ужас как хотелось!

Однажды после закрытия библиотеки я вышла из корпуса и пошла по направлению к общежитию. Было это в начале марта; днем подтаяло, а к вечеру ударил мороз, и все дорожки заledenели. Опасаясь упасть, я шла осторожно, размахивая руками, как балластом. Чтобы поддерживать себя в вертикальном положении, мне требовалась полная концентрация, но, свернув за угол, я, как зверь, кожей почувствовала опасность. Не поворачивая головы, только скосив глаза, я заметила, как от стены отделяется зловещая тень.

В минуту опасности кошка поднимает хвост и истошно вопит. Человек не хвостатая четвероногая тварь, и должен адекватно реагировать. И все же от испуга я завизжала как тысяча драных кошек. Визжала я так, что сама чуть не оглохла.

– Ты что, ополоумела?! – Тень, превратившись в Фарида, схватила меня за руку. – Это же я... Почти ночь уже... Вот и решил встретиться.

В сердцах я стряхнула с себя его руку, и тут же, потеряв равновесие, упала, как подкошенная, ударившись локтем об лед. Словно электрическим током пробilo меня насквозь. Я взвыла от боли. Фарид наклонился надо мной, взял за подмышки и одним рывком поставил на ноги.

– Осторожно, моя куколка, – сказал он самодовольно и коснулся моих прохладных щек своими мерзкими мокрыми губами.

И тут я как с цепи сорвалась. Все накопившееся раздражение от его назойливых ухаживаний рванулось лавиной, стремясь поглотить, раздавить, уничтожить.

– Ненавижу, – кричала я, – ненавижу!!! Отстань, не трогай меня! Ты мне омерзителен! Омерзителен!!! Ненавижу! Ненавижу!

Фарид схватил мои руки, в глазах – растерянность.

– Почему ты так?.. Ты же сказала, привыкнешь. Что нравлюсь тебе.

– Может, и нравился – пока не лез. Отстань! – Я брезгливо трянула руками, словно сбрасывая с себя жирную гусеницу.

Фарид отпустил мои руки. И друг я услышала жалобный, тонкий всхлип. Я подняла глаза – в лице ни кровинки, слезы горошинами так и катятся из его испуганных глаз. Я уже привыкла к темноте и видела, как две мокрые дорожки образовались на его щеках. Он плакал! Как обиженный сопливый ребенок.

– Ты это чего? Ты чего? – растерялась я. – Прекрати немедленно! Ты что, очумел?

Фарид еще раз всхлипнул и вытер кулаком нос. Потом прохрипел.

– Я умру без тебя.

Господи, как мне стало его жалко! Но в тоже время я понимала, что если сейчас поддамся на сантименты, то никогда не отделаюсь от него. Жалость, как трясина засасывает, не оставляя места другим чувствам. Так когда-то говорил Витя.

– Не держи меня за дуру. Не проймешь меня своей мокротой, – намеренно жестко сказала я и, пошарив в сумке, протянула Фариду свой носовой платок. – Вытрись.

Фарид машинально взял мой платок, вытер лицо, высморкался и хотел было отдать обратно, но, смутившись, скомкал в кулаке и сунул себе в карман.

– Вытираю – отдам.

– Не надо, оставь... на память, – ответила я, не сдерживая иронии.

– Как же так?.. Я ничего не понимаю... – Уголки его пухлых, как у девчонки, губ снова поползли вниз.

Мне показалось, что он снова готов зарыдать. Чтобы как можно быстрее завершить наш мелодраматический эпизод, я крепко взяла Фарида за руку и голосом актрисы, произносящей монолог под занавес, начала:

– Представь себе песочные часы. Верхняя колба пустая, нижняя полная. Вполне устойчивое положение. Век бы так стоять. А ты сделай усилие – переверни. И тогда, все что казалось тебе привычным и таким важным, перемешается с непривычным и неважным.

– Ты это о чем? – Фарид непонимающе захлопал своими влажными ресницами.

– Так говорил один умный человек, – пояснила я. – Надо изредка менять ценности. Я кажусь тебе красивой? – вдруг вырвался у меня.

Фарид усиленно закивал.

– Да, да. Ты лучше всех.

– Тебе кажется, – слушавила я. – И ты, наверняка, уверен, что любишь меня...

Фарид судорожно вздохнул. Не давая ему опомниться, я продолжила:

– Ерунда! Никакая это не любовь, так, иллюзия. Просто тебе заняться нечем, а я каждый день маячу перед тобой, как копченая колбаса в форточке – не голодный, а захочется.

– Ну, уж и колбаса. – Фарид невольно улыбнулся.

– Ладно, не колбаса – пряник, конфетка, шоколадка... не важно. Просто я вот что тебе хочу втолковать, нужно меняться, всегда пробовать что-то новое. Совершать смелые поступки... – Мой взгляд заметался. На стене здания белела листовка. Когда я проходила днем, прочитала, что приглашают в спортивную секцию. – Вот хотя бы... Займись спортом. Самбо. Победы всех.

– И тогда ты будешь моей, – прошептал Фарид.

– Посмотрим... Может, к тому времени все переменится. Ты будешь чемпионом. Я тоже изменюсь, постарею, и ты сам от меня откажешься, – не скрывая досаду, сказала я.

– Не откажусь. Ты мне любая нужна.

– Фарид, нам не дано знать, что ждет нас в будущем, – устало выдохнула я.

– Я знаю. Я всегда буду любить тебя.

У меня уже не осталось аргументов. Фарид стоял передо мной. Ни следа от недавних слез. Взгляд, словно бритва, губы сжаты в полоску.

– Если я стану первым, ты станешь моей?

Я пожала плечами и выдавила из себя двусмысленную улыбку. Разве я могла кому-то что-то обещать? Не в моих то правилах.

Больше Фарид меня не доставал и на лекциях сидел на задних рядах. Затылком я ощущала его горячий жесткий взгляд. Понятное дело, что никаких кавалеров на курсе у меня больше не появлялось. Но и одна я не оставалась. Время было бурное, студенческое. Я записалась на курс журналистики. Мы издавали стенную газету, потом я стала писать для университетской многотиражки. Сейчас не вспомню, что мы все время обсуждали, о чем спорили, но было страшно интересно.

Так пролетел еще один семестр. Вторую сессию я тоже сдала легко. Летнюю практику я отработала на кафедре. С каким-то аспирантом мы составляли карточки, обнимались, целовались взад-вперед. Но потом поссорились, не сошлись в национальном вопросе. Он оказался антисемитом и шовинистом впридачу, а я всегда считала национализм признаком внутренней слабости и ненавидела всеми фибрами души. Аспирант только одной фразой меня завел, что, мол, мочить всех евреев надо, да и хохлов в придачу. Я отхлестала его по обоим щекам так, что у того кровь носом пошла. Для меня не существовало деление людей по национальному признаку, к тому же, все мои друзья, похоже все были русскими, только вот мать Вити по паспорту была Вассой Соломоновной, а тетя Таня звала своего третьего сына не как все Васькой, а Васьк`ом. Аспирант обозвал меня жидовкой, на этом наш едва начатый роман закончился.

Я уехала на летние каникулы домой, в наш сонный городишко. Похоже, гормональная буря и меня не оставила в стороне. Позднее, чем у многих, у меня появились определенные потребности. Я не имею в виду грубый половой акт, нет – мне стало необходимо мужское общество, знаки внимания, флирт. С одной стороны, я боялась повторения инцидента, который случился у меня с Фаридом, а с другой – просто изнывала без подпитки мужскими флюидами. Многие мои бывшие одноклассники устроились на работу. Иногда вечером или в выходные дни мы собирались компанией и ходили на пруд. Неуютно мне было среди них, словно я повзрослела лет на десять, а они остались прежними. Как вожатая среди пионеров.

Дом, где жил Витя, стоял заколоченным. Я спросила у родителей, приезжал ли он. Отец ответил, что не видел, но могила его матери была прибрана, значит, был весной, памятник поставил, ромашки посадил. Я надеялась, что Витя приедет на каникулы, и мы опять будем дружить. По моим расчетам ему должно было исполниться двадцать два, и мне было чрезвычайно любопытно, каким он стал. Разница в четыре года тогда казалась вполне привлекательной. По крайней мере, уже что-то повидал, многое чего знает, пятый курс должен был закончить. Почему-то я была уверена, что он обязательно должен учиться где-нибудь в Москве. В Питере нас судьба не сталкивала.

В конце июля папа предложил поехать к морю. Мать не захотела бросить хозяйство, и мы с папой на его уже внедорожнике доехали до Крыма и остановились в палаточном лагере около Коктебеля.

Море, солнце, комплименты. Все, в чем я нуждалась в то время. Одни «дикари» приезжали, другие уезжали. Ни с кем из своих кавалеров я не задерживалась больше трех дней. Я буквально купалась в мужском обожании. Еще бы! Постоянно полуобнаженные тела, соприкосновения... Я точно знаю, что была неотразима.

Целыми днями мы плавали в теплом море и валялись на прохладных камнях в тени кустарника. Вечерами сидели у костра, пели песни. Ночью целовались под плеск волн. Однажды у меня случился оргазм. Мой первый. И совершенно случайно. Я даже не помню имени парня, кто указал мне тропинку в магическую страну женского блаженства.

Итак, мы вдвоем сидели у костра, потом пошли прогуляться вдоль берега, нашли уютный закуток среди прибрежных скал. Мой кавалер бросил штормовку на еще дышащий от солнечных ласк песок. Сидели молча, слушали дыхание моря. Мой спутник обнял меня за плечи. Наше тепло, казалось, стало общим. Я смотрела на мерцающее море, мысли растворились во влаге наступающей южной ночи. Парень провел рукой по моим ногам. Если бы он начал целовать меня или, еще того хуже, положил руку на грудь, я точно знаю, ничего бы не вышло. А он просто нежными движениями своих твердых пальцев стал поглаживать мои щиколотки. Потом все выше... выше... Я и опомниться не успела, как забилась в конвульсиях. Обхватила своего кавалера и крепко прижала к себе, ожидая, когда стихнут горячечные толчки внутри моего живота. Парень, чуть всхлипнув, затих. Похоже, тоже случайно выстрелил только от одного моего объятия.

Утром, когда я проснулась и пошла к морю, на месте палатки, где жил мой проводник, виднелись только жалкие колышки. К вечеру к этим колышкам была прикреплена другая палатка.

В Крыму мы с папой провели почти три недели. Домой вернулись двадцать четвертого августа. Дату я точно помню – двадцать пятого отцу надо было на работу, и он всю обратную дорогу сокрушался, что должен спешить и на остановки с пикниками совсем нет времени.

В первое же утро, мать сказала, что приехал Витя. Я тут же допила молоко, и как была в мятых шортах и выгоревшей от крымского солнца майке бросилась из дома. Добежала до переулочка, где стоял Витин дом, и даже не запыхалась, но мое сердце екнуло, когда я открывала калитку. Действительно, в доме окна были освобождены от фанеры. Уже неспешным шагом

я прошла к крыльцу и остолбенела. Перед колодцем, вытянув вверх руки, стояла совершенно голая тетка. Я точна в выражении, не обнаженная, не нагая, а именно голая: вся в рытвинах целлюлита толстая задница, будто облеплена мухами широкая спина то ли в веснушках, то ли в родинках, бледные, цвета сильно разведенного обезжиренного молока ляжки.

Мне стало не по себе. Сердце ухнуло куда-то вниз и как будто что-то прохладное и гладкое скользнуло по моим ступням. Я даже посмотрела вниз на свои голые ноги, но ничего не заметила. Возникло ощущение, что какая-то часть моей души, соскользнув, исчезла. Навсегда.

– Лена.

Я и голая тетка враз повернули головы на голос. На крыльце стоял Виктор и смотрел на меня. Радость и растерянность читались в его взгляде. Но мне уже было все равно. Высокий, с широкой волосатой грудью, длинными руками и тяжелыми, словно бревна, засунутыми в трико со вздутыми коленками ногами, он показался мне совсем чужим.

– Ты проснулся? – Голая женщина, ничуть не смущаясь, подошла к нему и попыталась обнять. Одним жестом Виктор отстранил ее.

– Оденся, – коротко бросил он и спустился ко мне. – Ты как здесь?

– Вот... Приехали вчера.

– Понятно. Отдыхала?

– Да, с папой на море в Крым ездили.

– Вижу, загар не наш, южный. А глаза-то какие синющие!

Я поняла, чем отличался Виктор от других. Он всегда смотрел мне в глаза. Или нет, я ошибаюсь? Я поймала Виктора на том, что он рассматривает меня, будто я какой-то манекен в витрине. Снизу вверх, сверху вниз, на секунду дольше, чем необходимо, останавливаясь взглядом на моей груди. Такой же мужик, как и все, – подумалось мне.

– Ты большой стала, – наконец, сказал он. – Настоящая красавица.

– Знаю, – холодно отреагировала я.

– Парень есть?

– Есть, – соврала я.

Его взгляд стал мгновенно жестким.

– Ты тоже не один, – сказала я и махнула в сторону дома. – Женился что ли?

– Нет. Это так... Вместе работаем.

– Значит, это ты работой называешь, – съехидничала я.

– Неудачно получилось... Я даже не подумал, что ты такая... взрослая.

– Да уж, не малолетка, какой ты меня знал. На второй курс пойду. А ты где?

– Пятый курс вот закончил. Все лето был на практике, с сентября еще полгода диплом и все, дипломированный специалист.

– А потом куда? Вернешься сюда или у тебя другие планы?

– Я строительный факультет заканчиваю. Думаю, найду себе место, не потеряюсь. Сама знаешь, связей у меня нет, надо самому пробиваться. А ты? Что планируешь на будущее?

– Сама не знаю, мне еще долго учиться. Я в Питере.

– Понятно. А я пока в Москве.

– Ну, я пошла.

Я повернулась, но Виктор ухватил меня за локоть. Так сильно, что я вскрикнула. Он мгновенно разжал пальцы, но на моей руке остались след, как от ожога.

– Прости, не хотел. Рука у меня тяжелая.

– Да уж, на кирпичах тренированная... Счастливо оставаться.

Виктор преградил мне путь:

– Лена, не уходи так. Мы давно не виделись. Мне тебя не хватало.

Он взял меня за пальцы рук. Я упорно смотрела в землю. Виктор был босиком, его ноги с серыми, длинными ногтями не вызвали во мне теплых чувств. Мои же ноготки, выглядывающие из-под ремешков босоножек, были тщательно обработаны пилочкой и покрыты перламутровым розовым лаком. Как странно, память хранит такие мелочи.

– Посмотри на меня, – с напряжением в голосе сказал Виктор.

Я деланно тяжело вздохнула и, недовольно поджав губы, подняла глаза.

– Ну что? Что тебе надо?

– Хочу, чтобы ты знала... Я все сделаю для тебя... Да, сейчас мне нечего тебе предложить. Но у меня будет все. Знай это. И все, чего я добьюсь, будет твоим. Ты мне веришь?

Я чувствовала, как его волнение, проходя через наши руки, передается мне.

– Витька идем, завтрак готов, – раздался пронзительный голос с крыльца.

Мы разом вздрогнули, Виктор разжал руки.

– Иди, тебя ждет твоя... твоя... ну, вы вместе работаете, – с усмешкой сказала я, и сделав несколько шагов, не удержавшись оглянулась и добавила. – Приятного аппетита.

Виктор догнал меня у калитки.

– И все же, я хочу, чтобы ты знала – ты для меня единственная. И если тебе будет трудно... Если что случится... Рассчитывай на меня. Всегда.

– Буду иметь в виду, – ответила я, как послушная девочка, но про себя подумала, что вряд ли я когда-либо снова захочу его увидеть. Мой друг детства остался в прошлом. Этот мужчина для меня чужак.

В том возрасте все казалось простым и логичным: черным – белым, параллельным – перпендикулярным. Без оттенков и закругленных углов. Мгновение боли, царапина на душе – и все, человек вычеркнут из жизни.

Одна ниточка другую тянет

1

Когда начались занятия в университете, оказалось, что Фарида нет среди нас. Потом я узнала, что он перевелся на заочное отделение. Наконец-то меня отпустило чувство вины (а может быть страха?), которое мешало мне в полной мере наслаждаться студенческой жизнью. За время каникул Алка нашла себе парня. Тот со своим сокурсником снимали квартиру на Петроградке. Как-то по случаю чьего-то дня рождения, я была приглашена на вечеринку.

Когда мы с Алкой добрались до пункта назначения, было уже довольно поздно. Алка открыла своим ключом дверь, через длинный коридор, заставленный разным хламом, мы прошли в гостиную. На обеденном столе стояли пустые бутылки, кастрюля с винегретом, грязные тарелки, валялись надкусанные ломти хлеба и мятые салфетки. Пахло пивом и табаком.

В качестве подарка мы с Алкой приготовили бутылку вина и десерт. Дружная компания двух уже изрядно подвыпивших девушек и трех парней с воодушевлением встретили бутылку «Шардоне».

Алка кинулась в объятия к самому худому и сутулому.

– Лешенька, привет.

– Привет, морковка, – ответил тот и усадил ее рядом с собой.

– Здравствуйте, – сказала я, чувствуя себя не совсем уютно без поддержки подруги.

Девушки, сидевшие по бокам бородача, заслонившегося от них гитарой, как щитом, настороженно подняли головы. Бородач провел ладонью по струнам, откликнувшимися приветном маршем. В некоторой растерянности я стояла посреди комнаты, отягощенная пластиковой коробкой с пирожными.

– Прошу к нашему шалашу, – махнул рукой парень в тельняшке и, соскользнув с подоконника, ринулся ко мне. – Позвольте представиться, Николай. В народе именуюсь Колькой.

Надеюсь, вы осведомлены, что в мою честь назвали знаменитый напиток водки с лимоном. Кстати, а водочки вы не изволили захватить с собой?

– Ни водки, ни лимона нет в наличии, зато есть сладкое к чаю, – ответила я и отдала, наконец, ему коробку с пирожными.

– Будет с чем девочкам чайку попить, но пока нужно чего покрепче. Вы, говорят, водяры прихватили? – весело воскликнул тезка знаменитого напитка и метнулся к кухонной двери. Вскоре Колька вернулся с бутылкой вина, пробка бултыхалась внутри. Уверенно, как будто это было делом всей его жизни, он разлил вино по пластиковым стаканчикам, один протянул мне.

– Ну что, прекрасная незнакомка, давайте-ка вздрогнем, за знакомство, – Колька согнул свою худую руку, в которой держал стакан в локте и потрянул головой, – на брудершafft.

– Меня зовут Леной, – представилась я, игнорируя призывный жест, и присела со своим стаканом за разоренный стол. Обниматься и тем более целоваться с новым знакомым мне совсем не хотелось.

– Поехали, – крикнул сутулый Алкин кавалер.

– Наш паровоз вперед летит, – отозвался Колька.

Все дружно выпили. Я тоже сделала глоток теплого сухого вина. Честно говоря, я была голодна, а запах кислой капусты в винегрете дразнил нещадно.

– Что за кони, мне попали, приверрредливые... – скучно зарычал бородач, и рядом сидящие девчонки притиснулись к нему поближе, подперев своими острыми коленками, как колыями падающий забор.

Я прошла на кухню, нашла в буфете чистое блюдце, сняла с сушилки алюминиевую вилку с будто танцующими гнутыми зубьями. Вернувшись к компании, я наложила горкой на блюдце винегрет и села в кресло, стоявшее в углу комнаты. Тускло горевшее бра освещало бородача с поклонницами, я же оставалась в тени.

Лающими голосами парни и девушки зывали «мы ждем перемен». Я жевала винегрет и сожалела, что пришла. В дружно спето-спитой компании явно я была лишней.

Наверное, я бы и не запомнила ту неудавшуюся для меня вечеринку (мало ли их было в моей студенческой жизни!), если б не случилось продолжения. Однажды после лекций, мы с Алкой решили съездить на Васильевский. Когда шли по дорожке парка, навстречу нам попался парень с шикарным букетом белых игольчатых астр.

– Привет, Олежек! – крикнула Алка. – Кому несешь подарочек?

Парень мигнул поверх букета длинными, как у девушки загнутыми ресницами. Это был тот самый бородач, который защищался гитарой от алчущих его внимания сокурсниц. На этот раз он был брит.

– Цветы для самой красивой девушки, – улыбнулся он, и букет оказался прямо перед моим лицом.

– Как неожиданно... – растерялась я, но астры взяла.

– Круто, – сухо бросила Алка и, перекинув из руки в руку сумку, пошла вперед.

– Ты куда? – крикнула я. – Подожди!

Алка, не оборачиваясь, махнула рукой и скрылась за углом.

– Красивые цветы, спасибо, – растерянно поблагодарила я.

– Пойдем ко мне, – вдруг предложил парень, и его взгляд буквально прошил меня насквозь. К тому времени я уже научилась, как тогда говорили, держать стойку – не смущаясь, выдерживать любой, даже самый наглый, раздевающий взгляд. Но тут я внезапно растерялась, почувствовав на себе его брызжущий синью взгляд. Этот парень явно хотел со мной переспать. Я поймала себя на мысли, что и меня безумно влечет к нему. Через час мы были в одной постели. Как там, в «Тысяче и одной ночи»? Нашелся ключик к ларчику...

Такая любовь, какая у нас с Олежкой может быть, наверное, только один раз в жизни. Без условий и условностей. Полное доверие, полная самоотдача. Мы занимались любовью два, три раза в день, а в воскресенье по полдня оставались в постели. Безумие какое-то. Лешка, который раньше снимал с ним квартиру, перебрался к Алке в общежитие, за определенную мзду комендантше устроился в нашей комнате. Я переехала к Олежке.

С Алкой мы продолжали дружить. На лекциях садились рядом, записались на один семинар, посещали квартирники. Однажды нас с Алкой занесло на какую-то жуткую постановку «Одалисок». Помню, мне было неловко, когда актриски на импровизированной сцене, в полуметре от зрителей, стали раздеваться. Нас набилось в одну тридцатиметровую комнату не меньше сорока человек, и мальчишки, и девчонки. Изредка перешептывались, но с интересом смотрели на представление. «Одалиски» меня страшно «завели». Я не осталась на обсуждение и прямоком после спектакля побежала к Олежке. Ему тогда здорово пришлось попотеть, чтобы утихомирить меня.

– Ну, ты прям, сумасшедшая. Еще немного – и расстался бы я с моей брэнной жизнью, – вздохнул он, когда я, наконец, дошла до пика и скатилась с него. – Загнала меня, как лошадь Пржевальского, – тут же попытался он отшутиться, когда увидел, что я готова обидеться.

– Прости, – ответила я, хотя не знала за что, собственно, прошу прощения.

– Ладно уж, выжил и то ладно.

Он наклонился и поцеловал меня, прямо в сосок. И хотя поцелуй его был вял, я почувствовала, как возбуждение снова подкрадывается ко мне. Я отстранилась, и Олег, похоже, с облегчением вздохнул.

– Будешь пить? – предложила я.

Он кивнул. Пока я наливала воду, он заснул. Я стояла с полным стаканом воды в руке перед ним, спящим, и, действительно, чувствовала себя виноватой, будто обидела ребенка. Олежка был так умирительно-беспомощен во сне. Нежный мальчик на ложе роз.

Несмотря на бурную сексуальную жизнь, мы с Олежкой продолжали ходить на занятия, неплохо учились, я даже начала подрабатывать в редакции газеты. Да и наше небольшое хозяйство я старалась держать в образцовом порядке: прибирала квартиру, готовила еду, стирала-гладила белье. С деньгами проблем не было. Я получала стипендию, и родители кое-что из продуктов присылали. У Олежки отец был каким-то мелким районным начальником, и он оплачивал аренду нашей квартиры. Наша настоящая идиллия длилась чуть ли не полгода.

Первая размолвка разлучила нас на все зимние каникулы. Олег звал меня в поход, я – ни в какую. «Тепло ли тебе, девица, тепло ли, красная?» Бр-р-р... Честно скажу, не большой я любитель утренних туманов и ночных посиделок у костра под комариный писк и хоровое пения под гитару. Пусть таким образом развлекаются кому в жизни скучно. О замерзающих в снегах и тонущих в реках я предпочитаю читать в книгах и смотреть на экране, а не мерзнуть и тонуть самой.

Итак, Олег со своей компанией пошел в поход на какую-то гору взбираться, а я решила выполнить свой дочерний долг и навестить родителей.

Все десять дней я старательно изображала полное удовольствие от провинциальной жизни. Тщательно жевала все, что готовила мама, смеялась шуткам отца и даже пару раз встретила с одноклассниками. Обе вышли замуж, одна даже родила. Такой замечательный у Ольки человечек получился! Правда, муж – полный балбес, все время, пока мы с ней на кухне болтали, без перерыва пялился в телевизор и курил. О чем-нибудь спросишь – «ну» да «ну», как телок какой. А Оля все равно пятак медным от счастья светится. Вроде неглупой девчонкой была, на четверки-пятерки училась, а судьба вот как сложилась. Не поступила в институт, на завод пошла, замуж вышла в восемнадцать. Всё наперекосяк. Глядя на Ольку с ее полуде-

бильным мужем, решила, что если и выйду замуж, то основательно взвесив все «за» и «против». Муж чтоб имел солидное положение. И чтобы квартира была в Питере или Москве в новостройке, а не как Оля в малогабаритке времен строительства коммунизма, с родителями на тридцати трех квадратах.

Олежку я своим мужем почему-то не представляла, но все время думала о нем. Какие у него изумительные аквамариновые глаза: зеленые с голубинкой, с еле заметным желтым ободком вокруг зрачка. А ресницы! Как у девчонки – длинные, с загнутыми вверх кончиками. Нос с горбинкой, ноздри вырезанные, «капризные», губы плотные, яркие. Правда, подбородок у него не удался: маленький, безвольный. По моему настоянию Олег снова отрастил бороду. Странно, но на бороде волосы у него были почти рыжие, хотя на голове темно-русые.

В компаниях Олежка любил петь под гитару. Играл так себе, обычный репертуар: Высоцкий, Визбор, Окуджава, Цой. Все девчонки тащились от него. Но любил он только меня.

И я его любила, очень любила. Хотя, наверное, мы еще плохо знали друг друга. Олег не был мастак в диалоге, презирал разговоры по душам, но дай волю – мог часами мог говорить о чем-то отвлеченном, цитировал Фрейда, Нитше, Бердяева. Он мне казался чрезвычайно умным и немного загадочным. Но самое главное – нас словно магнитом тянуло друг к другу. С ним я была счастлива. После бурной ночи было здорово засыпать и просыпаться в его объятиях. Часто мы и по утрам, если можно было пропустить первую пару, занимались любовью.

Тогда, в первые зимние студенческие каникулы мне без Олежки было очень одиноко, как будто от меня оторвали что-то очень и очень важное, ампутировали чувствительный орган. Я никогда не думала, что можно болеть просто от отсутствия человека. Я буквально разваливалась по частям. И постоянно думала о своем милом Олежке. Холод пронзал меня при мысли, что я больше никогда не почувствую его внутри себя. Никогда не приду домой (ту квартиру, где мы жили с Олегом, я стала называть нашим домом), не разожгу конфорку, не сварю ужин и никогда не увижу его жмурящиеся от удовольствия глаза. Дура, корила я себя, вот не согласилась пойти с Олежкой в этот дурацкий поход, а там куча девок только того и ждут, чтобы оттяпать его у меня. Перетерпела бы недельку, авось, не замерзла бы во льду, не упала бы с обрыва...

За три дня до окончания каникул, я уехала от родителей, чтобы уже дома дожидаться Олежку. Я хотела до его приезда сделать генеральную уборку, закупить продукты, повесить на окна шторы, которые подарила мне мама. С этими грандиозными планами в голове я открыла дверь и... все, что я запланировала – коту под хвост.

В квартире, как любила выражаться моя мама, хоть топор вешай, дымно и шумно. Компания бывших туристов отмечала окончание похода. Олег сидел в обнимку с какой-то кудрявой брюнеткой. Колька в его неизменной тельняшке рвал струны. «Скованные одной цепью», – цедил он сквозь зубы. Бывшие туристы подвывали, и никто не заметил, как я вошла. Даже Олег не приподнял голову и бровью не повел в мою сторону. Вот тогда мне надо было развернуться и громко хлопнуть за собой дверью. Но все зимние каникулы я страшно скучала по Олежке и даже представить себе не могла, что могу сама добровольно покинуть его.

Затолкав подальше свою обиду, я поставила сумки на пол и прошла на кухню. Раковина была полна грязных тарелок. Олег терпеть не мог мыть посуду и копил ее до тех пор, пока есть становилось не из чего. Поэтому посуду обычно мыла я. Впрочем, готовила еду тоже. Олег умел варить только пельмени и суп из пакетов.

Засучив рукава, я надела фартук и перемыла всю посуду. Закипел чайник. Я заварила чай, поставила чистые чашки на поднос и внесла в комнату, где дергал струны уже Олег. Недавно обнимавшаяся с ним девица стояла у окна и курила в форточку.

– Чай готов, – бодрым голосом произнесла я, старательно отворачиваясь от открытой форточки и девицы с ее мерзко воняющей сигаретой.

– О-о-о, класс! – вздохнула дружно вся компания.

– Привет, Ленусик. Откуда это столь чудное видение? Как ты? – поднял голову Олег.

– Нормально. Вот кекс купила, ты любишь, – как можно нежнее сказала я. – Давайте попьем чайку. Садитесь, ребята, – сделала я широкий жест в сторону Кольки.

Все расселись около стола, выпили по чашке чая и как-то тихо удалились. Мы с Олежкой остались одни.

И опять понеслось... Такой ночи у нас еще не было. Как будто нас сто лет держали в заточении, а тут выпустили на волю. Чего мы только не вытворяли! Индусы с их «Кама-сутрой» отдыхают.

Наутро мы с Олежкой никуда не пошли. Не размыкая объятий, весь день пролежали в постели. Это был самый счастливый день в моей жизни. На улице серая зимняя хмарь, в комнате прохладно, а мы лежим под одеялом, и нам совершенно индифферентно, что там за окном и во всем остальном мире. Похоже, тогда я осознала, что, действительно, люблю Олега. И я потерялась в своей любви.

Казалось, я перестала существовать как отдельная, обособленная личность и стала частью любимого человека. Меня мало что интересовало, если это не касалось Олежки. По инерции я ходила в университет, но писать для газеты бросила, студенческая жизнь меня волновала лишь в той степени, в какой она ему была интересна. Олежка участвовал в студенческой весне – я ходила на его выступления, он покупал билеты в кино или на концерт – мы шли вместе. Как-то большой компанией мы решили поболеть за нашу университетскую команду самбистов. Мой бывший воздыхатель Фарид занял второе место. Мы здорово за него болели, но все равно Фарид последний бой проиграл.

Наорались мы, натопались, я даже голос сорвала. Олег тогда спросил, правда ли, что Фарид Казимов был моим парнем, я ответила – нет не правда, мол, Фарид хотел со мной близости, а я никого к себе не приближала, ждала его, Олежку, единственного и неповторимого... самого, самого... Алка аж поперхнулась от моих слов. Потом, когда парни пошли за пивом, сделала мне выговор. «Мужики, что звери, – сказала она раздраженно, – им спину только подставь, вмиг разорвут. Нельзя показывать слабость, нельзя давать повода думать, что сдалась со всеми потрохами».

Алку я слушала в пол-уха. Мне совсем не нравились их с Лешкой взаимоотношения. Они вечно ссорились. Алка любила капризничать, то не могу, другое... Она хоть и небольшого роста была, но сильная. Как-то раз одна из дома такие баулы приволокла, я даже и приподнять их не смогла. Когда ремонт в общежитии делали, Алка прекрасно знала, куда и как обоим клеить, вместе мебель двигали. А перед Лешкой: ручки маленькие, пальчики тоненькие... Дюймовочка нашлась.

У нас с Олежкой все по-другому было. Честно говоря, я старалась избегать конфликтов, ссоры надолго выводили меня из состояния равновесия. А манипулировать любимым человеком, вообще считаю подлостью. В конечном итоге, влипла я в свою любовь, как мушка в патоку. Как такое могло случиться, до сих пор не пойму. Я стойко терпела патологическую бытовую лень Олега (не знаю, как в походе, дома он ничего не умел делать: ни пол помыть, ни белье постирать, и если б я сама не меняла постельное белье, как мне кажется, целый год спал бы на одной простыне). Я привыкла к компаниям, которые регулярно собирались у нас, и даже считала это интересным. Как же! Песни поют, стихи читают, философствуют. Девицы постоянно вились вокруг Олежки, как мошकारа перед дождем, но все (в том числе и носатая брюнетка) принимали мое превосходство. Мне даже импонировало, что у него так много поклонниц, а выбирает Олег меня. И я знала почему.

После летней сессии я все же пошла вместе с Олежкой в поход. Сплавлились мы по тихой речке, которая пересекает всю нашу область с севера на юг (или, наоборот, с юга на север?). Сначала мне вроде бы понравилось. Утром из палатки выскользнешь – от реки туман; солнце чуть выше – воздух, словно хрусталь, чист и прозрачен. Природа вокруг величественная, молчаливая, любой звук человеческого голоса кажется лишним. От полноты чувств хочется обнять весь мир.

Колька взял с собой первокурсницу из педколледжа. Будущая воспитательница детского сада словно приклеилась ко мне и трещала без умолку. На катамаране я с трудом нашла место для уединения. В конечном итоге, когда первокурсница свалилась в воду, меня же и обвинили, что я не приглядела за новичком. Как будто, я на сплаве не в первый раз!

Ближе к вечеру причалили – кинулись, а первокурсницы нет. Все ко мне, где да где? – а я откуда знаю! Не я приглашала, не мне и отвечать. Трухнули все тогда здорово. Но девчонка в рубашке родилась. Когда начало смеркаться, рядом с нашей стоянкой еще несколько лодок встали на причал. С той компанией приплыла к нам несостоявшаяся утопленница. Крепко все тогда на радостях напились. Раньше я водку даже не пробовала, но в тот вечер и я изрядно набралась. Утром просыпаюсь – хоть под гильотину кидайся. Тошнит, живот крутит... Если алкоголики каждый раз так с похмелья мучаются – не позавидуешь.

Хорошая погода простояла недолго. На третий день сплава на нас обрушился ливень. Думали, прольет – и опять будет солнце, но зарядило не на шутку. А я даже подходящей одежды не взяла, ведь жарко было. Ни сапог, ни теплой куртки. Только кеды да ветровка. Простыла, кашлять начала. На ближайшей станции в электричку меня запихнули, а компания снова двинулась дальше.

Как только я легла на вагонную деревянную лавку – рюкзак под голову, на плечах ветровка, один дурак стал приставать: мол, разлеглась, другим некуда деться. Пришлось сесть, а голова, как чугун, тошнит, вот-вот в обморок свалюсь. Пришлось в другой вагон перебираться. Там окно разбито, не так душно и народу поменьше. Но пока доехала меня сквозняком, видимо, совсем доконало. Повезло мне, что на вокзале Фарид оказался, он куда-то на соревнования с командой уезжал. У меня к тому времени температура, наверное, под сорок поднялась, из тела будто скелет вынули, ноги с трудом передвигаю, а с собой еще дорожная сумка.

Посадил Фарид меня с вещами в машину (вероятно, у тренера выпросил) – и прямиком к дому, там меня с рук на руки родителям передал, и опять скрылся. Я даже ничего толком не поняла, так мне плохо было. Наверное, все же от температуры сознание теряла.

Проболела я тогда долго, всю меня отец иголками истыкал – двустороннюю пневмонию диагностировали. Июль я провела с родителями, в августе мы с Олежкой планировали к черноморскому побережью двинуть. Вернулась я домой третьего августа, зашла в квартиру, там записка: «Устроился в студотряд на сбор урожая». Обида прожгла меня насквозь – мало того, что одну больную посадил на электричку, ни разу не поинтересовался моим здоровьем и, в конце концов, укатил куда-то без меня. Наверняка с какой-нибудь воздыхательницей, догадалась я. Когда любишь, всегда знаешь, когда появляется соперница.

В кино показывают, как страдают брошенные возлюбленные – кто режет себе вены, кто крушит все, что напоминает о прежнем любовнике: в лоскуты кромсает одежду, ломает мебель, рвет в клочки фотографии. Я ничего подобного не делала. У меня было предчувствие, что Олежка еще вернется ко мне. Просто он, в отличие от меня, еще не уверен, что мы созданы друг для друга.

Чтобы забыться, я устроилась на самую грязную и тяжелую работу, какую могла найти, подсобной рабочей на стройку. Сейчас вспоминаю, что дальше со мной произошло, понимаю – все в жизни закономерно, одна ниточка другую тянет.

Определили меня в бригаду маляров. Первый мой рабочий день: полосатая футболка вобтяг, джинсы, кепка – только в рекламе снимать, а я туда же, на стройку. Бригадирша как

увидала эдакое чудо в тапочках (на ногах у меня были новенькие белые спортивные тапочки со шнуровкой) – с размаху свое резюме в три этажа: «Блядь, на хуя мне эту пизду неебанную». Я покраснела до корней волос, язык к небу прилип, и как выпалю: «Я красить стены пришла, а не с мужиками трахаться».

Но ничего красить мне не пришлось. На небе любят шутить.

В бригаду меня не взяли, отослали в контору. А там Степан Семенович – начальник участка – велел мне в библиотеке в каких-то справочниках покопаться, сказал, вечером за информацией сам заедет.

Странно все так получилось... Трудно объяснить, как произошло, но в тот же вечер я стала его любовницей. Наверное, мне было очень одиноко. А, может быть, тоже захотелось что-то для себя уяснить.

Степан Семенович отвез меня на свою дачу. Огонь в печке, свечи, музыка, вино – банально до приторности, но для девятнадцатилетней девчонки, какой я тогда была, это показалось необыкновенно романтичным. Сначала Степан Семенович показался мне так себе. Хотя и с многолетним супружеским стажем, а любовник аховый – как ни старался, я никак не заводилась. Вроде все делал правильно: целовал в положенные места, мямлил, гладил, а все равно – лежу, как кукла резиновая. Потом, правда, стала подыгрывать: ахала, постанывала, подергивалась. В общем, старалась, как могла и незаметно для себя вошла в роль. Вообще, как мне кажется, во всех ситуациях может спасти воображение. Не то, чтобы представляла вместо Степана Олежку, нет, просто закрыла глаза. Тело само знает, что отдать, что взять. Главное – отпустить, на время отсечь себя от реальности. И скрипки звучат так проникновенно, что плакать хочется. Акустическая система у Степана по тем временам крутая была.

На следующий день все повторилось в точности, только прелюдия с камином и вином короче. И музыку я уже узнала – «Времена года» Вивальди.

На третий день обошлось без камина. Вместо Вивальди – Моцарт. Потом несколько раз занимались сексом в служебной машине. Под сводки погоды и попсу. «Соловей российский – славный птах...» Мой любовник приближается к пику, а я как прысну... Птах, умора! Испортила Степану весь кайф. Не знаю, почему меня так «птах» рассмешил. Теперь, когда Лещенко вижу по телевизору, всегда Степан представляется. Его напряженный взгляд серых глаз, и как он зажмурился и утыкался в мое плечо... Кончит, и всхлипнет, как ребенок.

Сейчас вспоминаю, мы со Степаном даже толком не разговаривали. Какие-то необязательные фразы о природе, экономической ситуации в стране. Не беседа, а так, набор фраз, заполняющий пустоту перед половым актом. Конечно, он много говорил о том, какая я красивая: «ножки ровненькие, попка кругленькая, животик славненький, грудки...» Тут он всегда застревал, не находя определений. Его лексического запаса явно не хватало. Строитель, чего с него взять?.. А может, быстро увлекался.

В строительной конторе я проработала недели две – десять половых актов. На третью неделю на работу не вышла, надоело. Забежала только подать заявление, чтобы расчет получить. Меня пригласили к начальнику в кабинет. А там Степан налетел на меня коршуном: не могу, мол, без тебя, люблю и прочее. Просящий взгляд, наполнены болью глаза. Смотрю я на его красное в испарине лицо и ничего не понимаю: какая такая любовь? Ему не меньше сорока было: должность, семья, дети, машина, квартира, дача – все, как положено по возрасту. А я кто? Девятнадцатилетняя девчонка, в дочки ему гожусь.

Стою я перед ним, молчу, стараюсь подобрать слова, чтобы не обидеть, а Степан бух в ноги, обнимает колени, лепечет: никого, мол, нет лучше тебя, давай, все бросим, уедем куда-нибудь от всех подальше – только ты и я. Смотрю я на него с высоты своих ста семидесяти пяти – и жалко, и противно, и совестно. У меня и в мыслях не было, что походя могу разрушить чью-то налаженную семейную жизнь. Даже страшно стало. Думаю, надо как-то спустить на тормозах. Пришлось мне утешать Степана, что-то врать, обещать золотые горы.

И снова наша карусель завертелась по-прежнему. Поездки за город, камин, музыка и секс, секс, секс. Поставила я перед собой задачу – измотать Степана так, чтобы он сам меня бросил. Стала возвращать в себе добротную стерву. Заставляла Степана водить меня по дорогим ресторанам, покупать брендовую одежду, драгоценности. И секс каждый день. Степан уже не может, выдохся, а я: еще давай, еще. Как клиническая нимфоманка. Так прошло еще дней десять. Я – вкрутую, а Степан как будто только во вкус вошел, все более сумасшедшим становится.

Однажды мы опять были на его даче, лежали в постели, отдыхали после, наверное, двух-часового секса. Степан попытался обнять меня, я отстранилась. Все думала, как бы развязаться с ним побыстрее, но не доводить его до крайности. Через неделю – начало учебы, Олежка придет.

Тут на Степана нашло откровение.

– С тобой я себя королем чувствую. Только сейчас узнал настоящую любовь, – признался он.

Я на него смотрю – старый мужик, седые волосы на груди, лоб в клеточку, брыли, как у собаки, а туда же – любовь! На меня вдруг такое раздражение нашло, чувствую, еще одно его слово и взорвусь, как банка скисших помидор под железной крышкой.

– Разве это любовь? – вскрикнула я, – банальный трах, выброс гормонов, инстинкты – не более. Любовь была, когда ты целовался со своей невестой, а сейчас даже не вспоминаешь, так тебе твоя жена достала. Бес в ребро, это явно про тебя. Заскочил в последний вагон и радуешься, что на семафоре зеленый свет. Не любовь, страх тебя гонит – вот-вот настанет миг, когда ничего не сможешь.

Степан побелел до синевы, потом покраснел, как рак в кипятке. Думала, не дай бог, удар хватит. Глаза кровью налились. Сейчас меня обругает, подумала я и угадала.

– Ты ссука, – наконец, просвистел он.

Я даже обрадовалась такому замечательному поводу разорвать опостылевшую связь. Пока в джинсы себя запихивала, Степан не сводил с меня своих очумелых глаз, но только я направилась к выходу, как кинется ко мне, голый, весь дрожит.

– Нет! Нет! – кричит, – не уходи! Ты лучшая, самая лучшая из всех. Не могу без тебя.

Что на меня тогда нашло, не знаю – хресь ему по его обвислой щеке.

– Надоел! – кричу. – Неужели не видишь, как все мне надоело. Иди к жене, – ору, – трахай ее. Она, наверное, забывать стала, как это делается.

Степан осел на пол, схватил меня под коленки да как зарыдает в голос:

– Мне не жить без тебя...

Смотрю на него сверху вниз, а он жалкий такой, лоб мокрый, нос распух, губы дрожат. Что, думаю, делать? Не дай бог наложит на себя руки. Но и продолжать всю эту канитель сил у меня нет. Тогда решила все свои карты ему открыть. Потянула опять в кровать. А он от радости опять взвился, целует меня всю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.